

ВЫСТАВКА „БЫТИЕ“.

А. А. ОСЬМЕРКИН.

Трактир.

Вен. Пузанов.

КРЕПКИЕ КОРНИ.

Рассказ.

Село спало. По-ночному брехали собаки. Июньский месяц вставал над ригой.

Я вошел в село и у пятой избы постучал.

В сенях завозилось, и заспанный, недовольный голос Авдотьи спросил:

— Кто там?

— Это я! Учителя!

— Тебе чего?—спросил голос.

— Мне переспать. Иду в город.

— Ты не стучи,—сказала недовольно Авдотья,—сичас юбки одену.

За дверь она одевалась медленно и неохотно.

— Входи уж!

В темноте она обшаривала спички. Изба была тепла и душна. Трещали тюрюканы. В темноте бегали прусаки и, срываясь, падали.

Мутным пятном глянул изгаженный пузырь.

— Ладно!—сказала баба.—Обожди! Позову Митрия... Я остался один. В избе было тихо. Зазвенело в ушах.

Почесывая в штанах и во вз'ерошенной голове, пришел Дмитрий, босиком, в набивной синей рубашке без пояса. С ним стало лучше и ближе.

— Перекусить што ль...

И Авдотья сказала:

— Чего угощаешь. Похлебку щенятам вывалила теперь-то!

Я поблагодарил и встал. Дмитрий забрал с печи дерюгу и красную засаленную подушку, дышащую теплом и печью—и вышли во двор.

Сонный месяц стал над навесом. Воздух был сонным и душным.

Мы прошли двор, вышли через скрипучие ворота на гумно и пошли под месяцем по безросой траве.

В половине, у самой двери, Дмитрий взбил сено, постлал дерюгу и в изголовье бросил подушку.

— Петрович, спи.

Я лег в сено, и усталость дороги свинцом налила ноги и тело.

Дмитрий сел у открытой двери, на бревне, достал из порток табак и закурил. Мы поговорили „о вёдре“ и замолчали.

— Слышишь, Петрович, что я тебе скажу,— сказал он.— Хочу я, Петрович, хозяйку сменить.

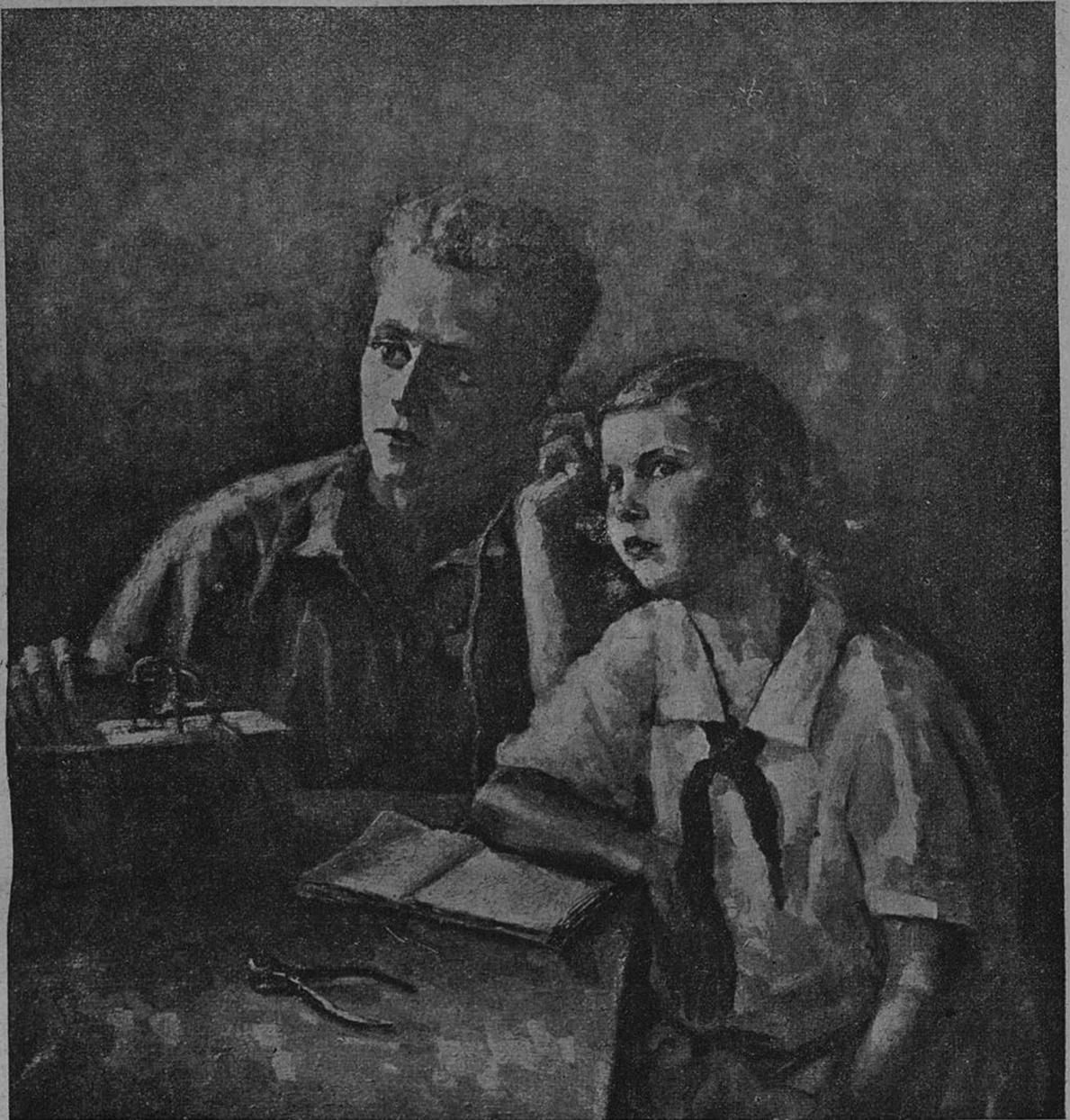
— А чего ж. Меняй!— сказал я, чувствуя неприязненность к Авдотье.— Это тебе не старые времена. Теперь, брат...

— Двиствительно,— протянул Дмитрий,— не подходяща... Баба на бабу не приходится. От одной бабы вошь, прусак и вонь по избе. Порты без скидну месяца по два носишь. Нашему брату, Петрович, без догляду никак немисливо. И к тому же и обращение — ни приветствия, ни ответствия тебе. Вот...

Дмитрий жестоко поскреб ногтями под рубахой в боку, посмотрел на месяц и, сожалея, сказал:

— Был в германском плену я, на ферме, под Брюнгеном работал. Ну, и жисть! Каждую неделю белье сменяли и купалища была. Прожил я там год и, поверишь ли, ни одной вши не видал. Живет народ! Такое житье, что и умирать не след. И баба мне там хорошая попадалась, так нет, к своему анчихристу пришел. Дети—думаю... Пришел я домой, вошел в хату и прямо сердце оборвалось. Из лохани, как из нужника, прет, о лавках и посуде и не говори... Ем я, а у самого из нутря прет. Вот..

ВЫСТАВКА „БЫТИЕ“.

В. Л. ПОВАЛЯЕВА.

Радиолюбитель.

ВЫСТАВКА „БЫТИЕ“.

И. С. СТЕНЫШИНСКИЙ.

Рыбаки.

— Ну, после опять обвык... Не подходящая у меня баба, Петрович. Дюже...

Дмитрий скрутил еще папиросу и вздохнул.

— А с другой стороны,— сказал он помолчав,—и другая еще какая попадетя, а то хуже энтой окажется. С умом выбирать бабу надоть-то. Вот... Потом к тому же за Маньку и Ваську платить по пяти—десять. Не обработаешь! Так же надоть и избу ставить. Да и бабы жаль. Кобеля старого со двора не стонишь, а с Авдотьей, почитай, двадцать годков прожили.

Дмитрий вздохнул еще и сплюнул.

— Заплутана моя жизнь, Петрович, дюже заплутана. Глубоко вошел я корнями в старую жись...

— Одно утешение,— вздохнул он,— одно утешение, что человеку даден язык, самопомочествование и своя власть.

Он запутался и смолк. Посмотрев на небо, он тихо спросил:

— Петрович, спишь?

— Сплю... — ответил я или только подумал. Я вздохнул. Холодный воздух вошел в мою грудь. В голове забродило. И тяжелая свинцовая завеса сна закрыла от меня мятущуюся под месяцем душу Дмитрия.

ПРОЖЕКТОР

СССР ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ЭРНСТ ТОЛЛЕР, германский драматург, автор идущих у нас пьес—„Человек-масса“, „Разрушители машин“ и др.—прибывший в Москву.

Фот. А. Самсонова.

ФРАНКО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Происходящие ныне франко-советские переговоры имеют весьма серьезное значение. Хотя уже пошел второй год со времени официального признания Советского правительства Францией, все еще нет нормальных взаимоотношений между Францией и СССР. Основными причинами, тормозившими переговоры между нами и Францией, были—непомерные аппетиты французской буржуазии, упорное нежелание ее считаться с действительностью—с фактом Октябрьской революции в России. Частые смены правительства во Франции (за это время сменилось около десятка правительств) тоже не в малой степени затрудняли переговоры. Между тем, с нашей стороны были самые серьезные намерения наладить нормальные торговые связи и урегулировать взаимоотношения с Францией. Состав нашей делегации, в которую входят виднейшие ответственные советские деятели, подтверждает серьезность наших намерений и желание найти деловую почву. Глубокий финансовый кризис во Франции, принимающий характер общего социального кризиса, тяжелые последствия которого становятся все более ощутительными для рабочих и крестьянских масс, а также для мелкой буржуазии, заставил французское правительство внимательно отнестись к тем возможностям, которые имеются в СССР для сбыта французских товаров и применения французского капитала. Благожелательный тон французской печати за последнее время, включая и влиятельные правые газеты, является хорошей предзнаменованием для франко-советской конференции, недавно приступившей к своей работе. На фотографии слева-направо: Мдивани, Преображенский Раковский, Членов, Бриан, Де-Монаи.